

**КОГДА ПЕРЕКОВЫВАЮТ ПЕРЬЯ НА ШТЫКИ.
О «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ ПРОФЕССОРОВ» МАЦЕЯ ГУРНОГО¹**

Статья является рецензией на книгу польского историка Мацея Гурного «Великая война профессоров», посвященную идеологическим столкновениям интеллектуалов враждующих сторон Первой мировой войны. Концентрируясь на восточно-европейских географах, физических антропологах, психологах и врачах, автор рисует широкое полотно взаимных упреков и обвинений, в которые превратилась наука враждующих стран после 1914 г. Гурный демонстрирует, как эти в научном смысле бесплодные рассуждения стали основой политической операционализации понятия раса. Истоком такого нового для Европы военного режима социально-гуманитарных наук автор видит полемику французских и немецких интеллектуалов периода 1870–1871 гг.

Ключевые слова: I Мировая война, раса, интеллектуальная история, война духа.

Русский перевод, написанной в 2014 г. книги польского историка Мацея Гурного, профессора Института истории Польской академии наук, о «войнах духа» в ходе Первой мировой войны, вышел в свет в 2021 г.² «Войной духа» в западной историографии называют дебаты немецких и англо-французских интеллектуалов об ответственности за начало Великой войны и тех национальных чертах, которые она вскрыла. Именитые и признанные социальные и гуманитарные ученые – такие, например, как социологи Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм, философ Анри Бергсон, писатель Томас Манн – публично приложили свое перо к делу оправдания собственной страны и демонизации противника. История того, как военно-патриотический угар захватил западноевропейских ученых и публичных деятелей, пусть и не сразу, но попала в прицел историографии. Более того, этот сюжет занял свое место в истории науки³.

Гурный переносит внимание на восточный фронт и рассматривает аналогичный процесс мобилизации интеллектуалов и производство концепций военного времени в Центральной и Восточной Европе: в Германии, Австро-Венгрии, Сербии, Болгарии, будущих Польше, Украине, отчасти Российской империи. В фокусе его интереса находятся такие относительно молодые общественно-научные дисциплины как антропология, этнография, экономическая или культурная география, психология и др. В отличие от более традиционных истории, филологии или философии, которые уже играли устоявшуюся роль в системе воспроизводства идеологии в своих странах, молодым наукам нужно было доказывать

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 "Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири".

² Гурный 2021.

³ Так, Гурный обращает наше внимание на работу Дж. Хорна и А. Крамера, в которой авторы, проанализировав дневники, письма и сообщения немецких солдат о первых месяцах войны, обнаружили там постоянный страх перед французскими и бельгийскими партизанами, страх, созданный немецкой военной пропагандой, твердившей о коварстве и антропологической чуждости немцам их противника. Horne, Kramer 1994.

объективность и научность своего метода, а с другой стороны – демонстрировать свою общественную полезность. Это предопределило активное участие их представителей в «войнах духа» по обе стороны фронта.

Таким образом, польского историка интересуют не просто конкретные концепции или теории периода Первой мировой войны, воспринятые военной пропагандой враждующих сторон, а особый военный режим научности, когда ученые-гуманитарии, продолжая считать себя стоящими на защите научной истины, включались в боевые действия на своем, интеллектуальном, участке фронта.

В первой и второй главах, задающих рамку всей книги, Гурный констатирует, что на рубеже XIX–XX вв. в среде европейских интеллектуалов прочно утвердились псевдонаучные системы знаний, которые современники считали науками о национальных характерах народов. Еще в XVIII – начале XIX в. географический детерминизм Монтескье, идея народного духа Гердера и Гумбольдта придали философское звучание эссенциалистским характеристикам этнических групп, но только к середине XIX в. была предпринята попытка оформить такой способ мыслить различия между людьми в отдельную науку. В 1860-е гг. немецкие ученые Хейман Штейнталь и Мориц Лацарус основали «Журнал по психологии народов и языковому знанию». Они собирались эмпирически описывать психологию народов, которую видели аналогом психологии личности, но на более высоком уровне. При этом основании народной психологии и новой научной дисциплины Штейнталь и Лацарус считали язык, который на глубинном уровне должен был выражать этнический дух, культуру или психологию. Остававшаяся гуманитарной новая наука была призвана утверждать либеральные ценности национального многообразия и национального освобождения на фоне отступления религиозных и имперских институтов. Ответом на эти претензии стало возникновение в Берлине в конце 1860-х г. антропологического общества, основатели которого, ученые и либеральные политики Рудольф Вирхов и Адольф Бастиан, считали человеческие языки слишком изменчивыми, чтобы давать «твердые» научные результаты, а идеальным объектом описания полагали физико-антропологические измерения людей или их останков. К концу XIX в. эти два способа мыслить различия между людьми соединились в понятие расы – в уже совершенно ином политическом и идеологическом климате, когда на фоне объединения Германии, франко-прусской войны и движения фёлькише либеральный дух немецкой академии сменился воинствующим национализмом.

Так автор обрисовывает тот интеллектуальный арсенал, которым, одновременно с августовскими пушками, начинает вестись общеевропейская «война духа». 8 августа 1914 г. Анри Бергсон произнес речь, характеризовавшую происходящее как войну цивилизации против немецкого варварства. Месяц спустя в «Таймс» был опубликован манифест британских ученых и писателей, в котором немецкая культура обвиняется в агрессивности и самолюбии. В октябре появляется от-

вет 93 профессоров университетов Германии, чуть позже подкрепленный коллективным письмом трех тысяч немецких интеллектуалов с обвинениями англичан и французов в предательстве «белой расы». Отслеживать дальнейшие взаимные выпады военной печати и военной пропаганды было бы делом утомительным, если бы немецкие интеллектуалы не сочли это своей патриотической обязанностью. Практически каждый университетский профессор Германии за годы войны выпустил пару брошюр, в которых разбирал аргументы авторов Антанты и на них отвечал. В силу доминирования германоязычных текстов эта полемика и получила немецкое название *Geistkrieg* (“война духа”).

Содержательно взаимные обвинения сторон сводились к предательству и варварству. Французы и британцы говорили о немцах как о предателях цивилизации, скрывавших под внешним лоском культуры и образованности нравы древних готов и тевтонов. Немцы отвечали расистским аргументом о предательстве Англией и Францией белой расы во имя союза с монголами (имелась в виду Россия) и неграми (колонияльные войска Антанты), несущими варварство в Европу. Немногочисленные авторы из Российской империи, в свою очередь, бросали немцам упрек, что те предали дух истинного христианства и религиозной чувственности ради рационализма, сделавшего их холодными машинами жестокости и убийств. Гурный замечает, что оживленная переписка интеллектуалов поверх границ продолжалась примерно два года, пока вести об ужасах фронта и лишения тыла не истощили дух авторов, а их потенциальный читатель частично погиб на полях сражений, частично занялся более насущными проблемами. Однако по мере истощения “войны духа” на Западе она разгорается на востоке. Вступление Болгарии в войну в 1915 г., воссоздание Германией Королевства Польского на отбитых у России землях, усиление трений между немцами, венграми и чехами в Австро-Венгрии – все это множит список взаимных претензий наций и их эссенциалистских обоснований интеллектуалами. Версальский мир на фоне Гражданской войны в России создает новые обиды и поводы к их удовлетворению силою оружия и подкрепляющего слова.

Наконец, автор напоминает о том, что современная массовая война в Юго-Восточной Европе началась не в 1914, а в 1912 г., с выстрелами первой Балканской войны. Тогда же немногочисленные сербские, болгарские и румынские авторы произвели первые опыты в войнах духа, поддержанные симпатизантами среди немецких и французских интеллектуалов. Это позволяет Гурному расширить хронологию своего исследования «войны духа» на Восточном фронте до 1912–23 гг., т.е. от начала Балканских войн и до окончания советской-польской войны и финальных выстрелов Гражданской войны в России.

Основная часть книги представлена главами о роли географии, психологии, физической антропологии и этнографии в добыче интеллектуального топлива для войны. По мнению автора, именно молодость этих наук обуславливала стремление их представителей искать особые

объективистские и сциентистские аргументы, отличавшие их от, скажем, историков, которые могли позволить себе откровенный романтический национализм без оглядки на репутацию. Кроме того, война открыла для географов, антропологов, психологов/психиатров большое пространство для профессиональной и потенциально полезной деятельности на фронте. Бои за Галицию, затем стремительное продвижение армий центральных держав на польские земли, равно как и австрийское наступление в Сербии, требовали новых атласов и карт территорий, экономических и демографических справочников, социального и культурного описания оккупируемых пространств. Для этого немецкий Генеральный штаб и университетская наука германского мира имели в своем распоряжении множество молодых и деятельных последователей школы антропогеографии Фридриха Ратцеля, полагавшего, что между территорией и психическим строением населения существует несомненная связь.

Эти взгляды соединялись с давней идеей европейского геополитического мышления о «естественных границах» стран. XX век придал им более четкую оформленность: уже не отдельный Рейн должен был отделять, скажем, Францию от Германии (на чем настаивали поддерживающие возвращение Эльзаса и Лотарингии французские географы), но сама территория страны должна была представлять собой единый (и психически объединяющий) природный гидрологический или геологический комплекс. Ведущую роль в процессе географической политизации пространства Юго-Восточной Европы играли германские и австрийские школы, но задачи их различались. Если географам Берлина нужно было подготовить аргументы под территориальную экспансию второго рейха на восток и на запад, то ученым из Вены, наоборот, критически важно было обосновать, почему лоскутная империя Габсбургов представляет собой естественное политико-географическое образование. У немецких профессоров учились или на их аргументы отвечали их польские, украинские, сербские и в меньшей степени российские коллеги. Версальский мир в этом смысле стал торжеством политической географии. Те нации, которые сумели убедительно предъявить державам-победительницам свои претензии на земли поверженных Германии и Австро-Венгрии как «естественные», оказывались в выигрыше, так как помимо политических интересов делегации Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо руководствовались также принципами этнографического расселения народов на той или иной территории, либо ее географической общности.

Не менее популярной для описания себя и своих противников становится физическая антропология. Сотни тысяч военнопленных предоставили антропологам огромные возможности для их работы, не требуя организации далеких и дорогостоящих экспедиций. Тем не менее, по мнению Гурного, величина эмпирического материала обернулась в теоретическом поле в основном тенденциозным использованием категории расы. Британская и немецкая традиции задали градации рас: от высшей нордической (германской, арийской) к низшим монголоидной и негро-

идной. Принадлежность к той или иной расе определялась множеством «объективных» показателей, основным среди которых помимо пигментации кожи и цвета волос выступала долихоцефальность или брахицефальность формы черепов. Однако, отмечает автор, последующая история физической антропологии выяснила, что подобные замеры отличались большой субъективностью исследователя в подборе групп измеряемых и сопровождалась подгонкой результата под нужный показатель.

Не принадлежавшие к «нордической расе» восточно-европейские антропологи из Польши, Западной Украины, Венгрии, Сербии и Болгарии, тем не менее, использовали эту немецкую оптику для описания себя и своих соседей и выкраивания себе более почетного места в существующей иерархии рас. Так появляются рассуждения о сарматской и динарской расах, а также преимуществах и недостатках для национальных признаков расового смешения. В конечном счете, отмечает Гурный, расологические дискуссии военного времени в Юго-Восточной Европе свелись к поиску качеств «монголоидности» у противника и исключению их у своей национальной группы. Главным результатом этих дебатов стало размывание границ между категориями расы, этноса и нации, что открыло простор для политических манипуляций расистского толка.

Дискуссии психологов и психиатров военного времени отчасти повторяли дискуссии антропологов, поскольку были призваны осуществлять самописание и объяснять наличные проблемы в воюющей армии. Ключевая проблема для психиатрии – взрывной рост психических расстройств и заболеваний солдат на фоне окопной войны. Посттравматический синдром и истерическое расстройство личности, которое доверенная психология полагала чисто женской особенностью, стали реальностью населяющих военные госпитали сотен тысяч мужчин. Широкое распространение расистских объяснений среди военного и медицинского руководства центральных держав и параноидальный поиск симулянтов среди больных вели к тому, что проблема замалчивалась или представлялась несущественной. Даже многие врачи полагали, что высшей нордической расе генетически свойственны высокий боевой дух, храбрость и чувство дисциплины, и, соответственно, смотрели на непроявляющих такие качества солдат как на принадлежащих к более низким и потому эмоциональным расам. При такой оптике, не желающий возвращаться на фронт солдат оказывался не немцем (арийцем), а, скажем, скрытым чехом или поляком, т.е. славянином. Соответственно, его «лечение» заключалось в бодрящих процедурах, вплоть до электрошока.

На фоне расистской ограниченности психологической науки в центральных державах, утверждает Гурный, выгодно смотрелась российская школа военной психиатрии и психопатологии, которая еще с русско-японской войны накопила большой эмпирический материал, свидетельствующий о том, что причина психических расстройств солдат коренится в самой ситуации современного боя, а не во врожденных расовых или индивидуальных патологиях.

Свою монографию автор завершает ретроспективой, рассматривая полемику французских и немецких интеллектуалов времен франко-прусской войны 1870–71 гг. как предшественницу “войны духа”. Его тезис заключается в том, что распространение массовой печати и достаточно быстрая коммуникация между авторами и читателями позволяли оперативно транслировать изоцированную военную пропаганду. Обывательские стереотипы и ошибочные концепции интеллектуалов, которые ранее существовали в разных информационных полях с середины XIX в., в ситуации войны соединялись в одно герметичное пространство военной пропаганды и расчеловечивания противника.

Монография польского историка представляет значительный интерес для любого гуманитария или продвинутого читателя, озабоченного стремительными переменами вокруг. То, как немецкие, польские, сербские, болгарские, русские интеллектуалы столетней давности описывали национальные характеры своих врагов, на самом деле не видение других, а самоописание. Представляя их как враждебные расы и приписывая им худшие черты, участники «войны духа» желали видеть в своих соотечественниках черты лучшие; принижая оппонентов по расовому, гендерному и классовому признакам, они демонстрировали, какими репрессивными машинами сортировки и угнетения людей были те империи, которым эти географы, антропологи и медики столь преданы служили.

Парадоксально, но обилие контекстов, которые автор раскрывает перед читателем, составляет проблему для оценки теоретических достоинств книги. Остается непонятным, в чем состоит главный интерес Гурного, поскольку в монографии можно встретить три распространенных темы: 1) процесс мобилизации интеллектуалов на войну, встраивание их идей в машину военной пропаганды; 2) конфликт характерологических/расологических школ стран Юго-Восточной Европы; 3) внутренние процессы науки как общественного института при переходе в режим военного времени. Первая тема раскрывается фоном: мы не видим ни профессиональных политиков, ни ответственных за военную пропаганду чиновников. Участники «войны духа» как будто не «мобилизованные», а добровольцы-попутчики своих воюющих государств. Так же мало деталей в третьем контексте. Автор не идет в рассмотрении рамок организации науки дальше констатации тезиса о том, что профессиональные обычаи молодых дисциплин не были еще до конца установленными.

Больше всего места в книге уделено конфликтам различных антропологических и этнографических идей. Можно было бы сказать, что перед нами скорее даже история инструментализации понятия расы (за исключением географической части, где раса почти не встречается), но и в этом случае процесс ограничивается только научными кругами. Кажется, главный интерес автора – сама ситуация конфликта интеллектуалов времен Великой войны, ее историю он перед нами открывает, поэтому говорит о «войне духа» как о чем-то реальном, а не об эпизоде из истории военной пропаганды. Перед нами безусловно интеллектуальная

история, но не история понятий, идей, отдельных школ или теоретиков, скорее это история конфликтов интеллектуалов по поводу понятия расы в разных национальных контекстах. Это объясняет, почему практически все рассмотренные Гурным авторы – явные националисты. В списке его героев-ученых практически нет либералов и совершенно нет социалистов. Гурный кратко комментирует отсутствие последних. Российские антропологи не представлены в книге потому что по большей части придерживались либеральных взглядов и были настроены антиправительственно, соответственно, раса для них оставалась описательным, а не политическим термином и тем более не средством мобилизации соотечественников на войну. Единственный упоминаемый российский автор, который писал о расах в том же ключе, что и прочие герои книги, – киевский профессор И.А. Сикорский, по признанию Гурного, столкнулся с бойкотом коллег, и история открыто расистских упражнений в российской физической антропологии закончилась.

Книга Гурного посвящена конфликту националистической части научных сообществ во время мировой войны, когда некоторые аргументы ученых стали использоваться военной пропагандой стран-участниц. Но если видеть в «войне духа» не единичное явление, а результат влияния на науку крупных общественно-политических процессов, то такие состояния в условиях войны можно найти во многих современных обществах и сравнить их. В данном случае читатель может узнать к каким бессмысленным с точки зрения систематического знания результатам ведет националистический подъем среди ученых. Тем не менее, хочется верить, что общественное влияние науки даже в самые мрачные времена не ограничивается только националистическими угрозами.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021 [Górny M. The Great War of Professors. Humanities. 1912-1923. SPb.: European University in St. Petersburg, 2021].
Horne J., Kramer A. "German Atrocities" and Franco-German Opinion. The Evidence of German Soldiers' Diaries // Journal of Modern History. 1994. Vol. 66. Pp. 1–33.

Михаил Олегович Пискунов, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, m.o.piskunov@utmn.ru

When They Turn Feathers to Bayonets (Review of Maciej Górny's "The Great War of the Professors")

This article is a review of a book by Polish historian Maciej Górny, "The Great War of Professors," which deals with the ideological clashes between intellectuals on opposing sides of the First World War. Concentrating on Eastern European geographers, physical anthropologists, psychologists, and physicians, the author draws a broad canvas of mutual recriminations and accusations into which the science of the warring countries turned after 1914. Gurny demonstrates how this scientifically sterile discourse became the basis for the political operationalization of the concept of race. The author sees the origins of this new European military regime of the social and human sciences in the polemics of French and German intellectuals of the period 1870-71.

Keywords: World War I, Race, East Europe, Intellectual History, Geistkrieg

Mikhail O. Piskunov, PhD in History, Associate Professor, Tyumen State University, m.o.piskunov@utmn.ru